

Говард Филлипс Лавкрафт

ПОТОМОК

(The Descendant)

Записывая сии строки на ложе, которое мой доктор считает моим смертным одром, более всего я страшусь того, что человек этот ошибается. Полагаю, что меня собираются хоронить на следующей неделе, но...

В Лондоне есть такой человек, который визжит от страха, когда звонит церковный колокол. Вместе со своим полосатым котом, который только и разделяет его одиночество, он проживает в Грейс-инн^[1], и люди считают его безвредным сумасшедшим. Комната его полна книг самого кроткого и детского содержания, и час за часом он пытается затеряться между их ветхих страниц. В жизни ему нужно только одно – возможность не думать. По какой-то неведомой причине рассуждение и мысль враждебны ему, и от всякого предмета, способного возмутить его воображение, он спасается, как от чумы. Человек этот тощ, сед и морщинист, однако некоторые утверждают, что он не настолько стар, как кажется. Страх вцепился в него своими жестокими когтями, и даже звук способен заставить его вздрогнуть, оцепенеть и покрыться бисеринками пота. Друзей и компаньонов он отвергает, ибо не хочет отвечать ни на какие вопросы. Те, кто знал его как ученого и эстета, утверждают, что им горько видеть его таким. Он утратил все связи с ними многие годы назад, и никто не испытывает уверенности в том, покинул ли он страну или просто укрылся в некоем тайном убежище. Прошло десять лет с тех пор, как он переселился в Грейс-инн, а о том, где был прежде, он не говорил никому до той самой ночи, когда молодой Вильямс приобрел «Некрономикон».

Молодому мечтателю Вильямсу было всего двадцать три года, и, перебравшись в сей старинный дом, он ощутил некое дыхание космического ветра, исходящее от странного седого человека, занимавшего соседнюю комнату. Он сумел навязать свою дружбу, пускай старые друзья и не осмеливались на это, дивясь страху, не отпускавшему этого тощего и изможденного слушателя и наблюдателя. Ибо в том, что человек этот всегда слушал и наблюдал, усомниться не мог никто. Впрочем, наблюдал и слушал он скорее умом, чем глазами и ушами, и использовал каждый момент для того, чтобы утопить нечто в своем бесконечном сосредоточении над веселыми и пресными романами. А когда ударяли церковные колокола, он зажимал уши и визжал, и к голосу его присоединялся серый кот, вопивший в унисон, пока не умолкал последний отголосок звона.

Однако, как ни старался Вильямс, ему никак не удавалось заставить своего соседа заговорить о чем-нибудь глубинном или тайном. Не обращая внимания на все его заходы и маневры, старик с деланой улыбкой начинал непринужденным тоном увлеченно и лихорадочно трещать о всяких милых пустяках; и голос его с каждым мгновением возвышался, набирая все большую силу, пока наконец не оказывался на грани срыва в пискливый и неразборчивый фальцет. О том, что познания его обладали глубиной и тщательностью, убедительно свидетельствовали даже самые тривиальные замечания этого человека; и Вильямс не был удивлен, когда узнал, что сосед его получил образование в Харроу и Оксфорде^[2]. С течением времени выяснилось, что им является не кто иной, как лорд Нортэм, о расположенном в Йоркшире древнем наследственном замке которого рассказывают много странностей; но когда Вильямс попытался заговорить о замке, о его

предположительном основании в римские времена, старик отказался признать, что в этом замке есть нечто необычайное. Он даже порассуждал пронзительным тоном, когда возникла тема тайных крипт, вырубленных в недрах утеса, хмурающегося над Северным морем.

Так продолжалось до того вечера, когда Вильямс принес домой купленный им печальной памяти «Некрономикон», созданный безумным арабом Абдулом Альхазредом. О существовании этой жуткой книги Вильямс знал с шестнадцати лет, когда зародившаяся любовь ко всяким странностям заставила его задавать не совсем обычные вопросы согбенному старику-букинисту на Чендос-стрит; и он всегда удивлялся, отчего мужчины бледнеют при одном упоминании этой книги. Старый книготорговец рассказал ему о том, что всего пять экземпляров пережили гневные эдикты потрясенных священников и законодателей и что все они с ужасом и осторожностью были отправлены под замок хранителями, осмелившимися начать чтение этого мерзкого, написанного старинным готическим шрифтом тома. Однако теперь наконец он не просто отыскал доступный себе экземпляр, но и приобрел его за смехотворно низкую цену. Произошло сие в еврейской лавчонке в нищей окрестности рынка Клэр-маркет^[3], где он часто приобретал всякие необыкновенные вещицы; Вильямсу даже показалось, что скрюченный старый левит улыбнулся в бороду, когда им было сделано сие великое открытие. Хотя внушительный кожаный переплет с медной застежкой и выделял книгу, цена за нее оказалась абсурдно низкой.

Один только взгляд на заглавие заставил вострепетать душу молодого человека, и несколько диаграмм в мутном латинском тексте возбудили в его мозгу самые напряженные и тревожные воспоминания. Вильямс ощутил, что просто не может не доставить внушительный том домой и не приступить без промедления к дешифровке этого ребуса, и потому бросился вон из лавки буквально очертя голову, чем немало рассмешил старого еврея, возмутительным образом захихикавшего за его спиной. Однако, наконец оказавшись в тишине и покое собственной комнаты, он обнаружил, что сочетание готического шрифта и устаревших идиом превышает его лингвистические способности, и с некоторым смущением обратился к своему скрюченному страхом другу за помощью в расшифровке текста, написанного на витиеватой средневековой латыни. Лорд Нортэм как раз нашептывал какие-то пустые нежности своему полосатому коту и вздрогнул, когда молодой человек вошел в комнату. Затем он увидел книгу, и тело его сотрясла дрожь, а когда Вильямс произнес ее название, вовсе лишился сознания. Однако, придя в себя, Нортэм рассказал собственную историю, все ее фантастическое безумие, ради того чтобы его друг поторопился сжечь проклятую книгу и развеять ее пепел по ветру.

Должно быть, шептал лорд Нортэм, нечто было в нем плохо с самого начала; однако такое не могло прийти ему в голову, пока он не зашел слишком далеко в своих исследованиях. Он был девятнадцатым бароном в семействе, корни которого далеко уходили в самое неуютное прошлое – невероятно далеко, если верить легенде, ибо, согласно семейному преданию, относились еще к досаксонским временам, когда некий Луний Габиний Капитон, военный трибун Третьего Августова легиона, расквартированного тогда в Линдуме, в Римской Британии, был в общем итоге отстранен от командования за участие в неких обрядах, не связанных с какой-либо из известных религий.

Габиний, согласно слухам, явился в некую тайную пещеру в утесе, где сходил на встречи странный народ, и во тьме произвел Старинный Знак; странный народ же, который бритты даже поминали с ужасом, состоял из последних уцелевших жителей, населявших затонувший на западе великий материк, оставив после себя лишь острова с их стоячими камнями, кругами и святилищами, среди которых величайшим был Стоунхендж. Нельзя, конечно, полностью доверять легенде, утверждающей, что Габиний построил неприступную крепость над запретной пещерой и основал династию, которой не могли пресечь ни пикты, ни саксы, ни датчане с норманнами; или невысказанному предположению о том, что из этого рода происходил отважный спутник и

лейтенант Черного принца^[4], которого Эдвард Третий сделал бароном Нортэмским. Подобные связи отнюдь не были очевидными, однако их часто упоминали; и по правде говоря, каменная кладка Нортэмского замка самым тревожным образом напоминала кладку стены Адриана^[5]. Еще ребенком лорда Нортэма посещали странные сны, когда он ночевал в самых старинных частях замка, и он выработал постоянную привычку озираться назад в своей памяти, разыскивая в ней полуаморфные сценки, образы и впечатления, не существовавшие в его бодрствующем бытии. Он превратился в мечтателя, находившего жизнь тусклой и неинтересной, занятого поисками неведомых краев и прежде знакомых связей, нигде более не обнаруживаемых в зримых краях земли.

Исполненный чувства того, что ощущаемый нами мир представляет собой всего лишь атом в ткани громадной и грозной и что неведомые сферы теснят и пронизывают известное нам в каждой точке, Нортэм в юности и в молодые годы черпал из источников официальной религии и оккультных тайн. Однако нигде не мог он найти легкости и удовлетворения; а когда повзрослел, затхлость и ограничения жизни сделались все более и более безумными для него. К двадцати годам он уже успел познакомиться с сатанизмом и во всякое время с жадностью поглощал любое учение или теорию, которая, на его взгляд, обещала избавление от тесных перспектив науки и тупых в своей неизменности законов природы. Он с пылом поглощал книги, подобные коммерческому описанию Атлантиды Игнатия Донелли – такие книги он проглатывал единым духом, а несколько забытых предшественников Чарлза Форта* поразили его своей выдумкой. Он всегда был готов проехать много лиг, следуя мутным деревенским рассказам о какой-нибудь аномалии, а однажды отправился в Аравийскую пустыню – искать Безымянный город, которого никогда не зрел ни один из людей. Все это воспитало в нем полную соблазна веру в то, что где-то существуют доступные врата, которые, если только их удастся найти, откроют ему вольный доступ к тем безднам, память о которых смутными отголосками доносилась из самых глубин его существа. Врата эти могли пребывать как в видимом мире, так и в его разуме или душе. Что, если внутри еще далеко не исследованного наукой мозга пребывает то самое таинственное звено, которое пробудит его к прежним и будущим жизням в забытых измерениях, свяжет его со звездами и с теми вечностями и бесконечностями, которые прячутся за ними?

*Перевод: Юрий Соколов
2012 год*